
ПРОТОКОЛ
ЧУЖАЯ ЗЕМЛЯ
ЯН ДУХОВ
СОДЕРЖИТ НЕЦЕНЗУРНУЮ БРАНЬ
18+

Ян Духов

Протокол "Чужая земля"

«Автор»
2026

Духов Я.

Протокол "Чужая земля" / Я. Духов — «Автор», 2026

Когда аварийный челнок со сгоревшего на орбите «Агамемнона» рухнул на вымороженное плато Кеплера-452b, у выживших не осталось ничего, кроме полутораметрового титанового лома, одного неполного магазина с вольфрамовыми иглами и пластикового инкубатора с ростком сои.Чугунные 1.5 g давят на плечи свинцом. Воздух обжигает лёгкие серным газом. А в недрах Чёрной горы, куда пробиваются старый инженер Ян, раненый наёмник Марк и девушка-биолог Лиза, восемьдесят лет хозяйничают те, кого корпорация бросила здесь умирать.В этом мире нет магии и счастливых случайностей — есть только физика, остаточное давление в пусковых баллонах, криптозамки первой волны и беспощадный закон сохранения энергии. Чтобы превратить мёртвый бункер в неприступную крепость и отстоять своё право на эту планету, им придётся пройти через ад подземных клеток и первыми зажечь свет в темноте.

© Духов Я., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Глава 1 5
Глава 2 12
Конец ознакомительного фрагмента. 14

Ян Духов
Протокол "Чужая земля"

Глава 1

«Агамемнон» вонял перегретым машинным маслом, жжёным пластиком, озоном и немытыми телами трёх тысяч переселенцев, запертых в тесных, низких палубах жилого сектора «С».

Ян Войцеховский лежал на жёсткой, продавленной металлической койке третьего яруса и слушал, как в стыке обшивки над головой мерно капает конденсат. Кап. Кап. Кап. Ровно каждые четыре секунды. Шестидесятипятилетний рудничный мастер считал эти капли машинально — раз, два, три, четыре, — как когда-то считал шаги до спуска в ствол, как считал удары кувалды по клину в шахте, как считал всё, что поддаётся счёту, чтобы не думать о том, чего уже не вернёшь.

Вода в системе жилого сектора «С» была технической, прогнанной через изношенные ионообменные колонки. На зубах от неё оставалась суховатая меловая поволока, а в горле через полчаса начинало першить, но Ян знал, что жаловаться некому — это была не питьевая вода, а дешёвый регенерат третьего класса. Корпорация «Гео-Тех» экономила на фильтрах для тех, кто летел в трюмных отсеках без обратного билета. Для людей, продавших земной гражданский паспорт за двадцатилетний контракт на литиевых и вольфрамовых рудниках Новой Надежды, чистая вода считалась непозволительной роскошью. Ян знал расценки наизусть. Он сам ставил электронную подпись под этим договором в вербовочном терминале порта. В самом низу страницы, бледно-серым мелким шрифтом, там значилось: «Корпорация не несёт ответственности за вред жизни и здоровью контрагента, полученный в результате форс-мажорных обстоятельств и навигационных отклонений». Тогда, в душном зале земного космопорта, он коротко усмехнулся. Теперь ему было не до смеха.

Когда-то, на Земле, у него была своя мастерская. Маленькая, в сухой кирпичной пристройке за домом, с густым запахом солидола, горячей стружки и канифоли, с тяжёлым дубовым верстаком, который он сбил своими руками, и с инструментальной доской, где каждый ключ, надфиль и метчик лежал строго на своём месте, отполированный мозолистыми ладонями до тусклого зеркального блеска. Он любил эту мастерскую больше, чем тихую квартиру наверху. Жена часто говорила, что он пропах горелым маслом и железной пылью насквозь и никогда уже не отмоется. Она была права. Она вообще почти всегда оказывалась права в житейских делах, и это порой глухо раздражало его, и он ворчал на неё, а она только смеялась, наливая ему крепкий чай в толстую глиняную кружку — и всё у них шло ровно и понятно.

Жена осталась на Земле, в старом доме под серым осенним небом. Мастерская тоже осталась там, запертая на тяжёлый висячий замок. Иногда, в долгие, душные перелётные ночи, Ян ловил себя на горькой мысли, что тоскует по верстаку и гудению токарного станка едва ли не сильнее, чем по человеческому теплу — и от этой мысли ему становилось муторно и стыдно, и он гнал её прочь, но в темноте металлического кубрика она всё равно возвращалась. Сегодня, лёжа на спине и глядя в облупленную серую краску верхней койки, он запретил себе думать о прошлом. Он заставил себя думать о том, что его старые, покрытые въевшейся сажей и шрамами руки всё ещё помнят любую работу. Помнят, как держать разводной ключ, как на ощупь отличить трещину в сварном шве, как выставить зазор в редукторе без микрометра. И это было единственное, что у него осталось в этом железном гробу, летящем сквозь пустоту. Руки и инженерная память. Пока есть руки и память — он ещё человек, а не списанный груз.

— Эй, дед, долго этот свищ над нами мокрить будет? — хрипло, с раздражением крикнули с нижней койки. — Всю робу залило, хоть выжимай.

Ян не ответил. Медленно свесил ноги с койки, глухо поморщился — правое колено привычно прострелило тупой, ноющей болью. Старый сустав, разбитый не на войне, а много лет назад на глубокой погрузке, когда сорвалась стропа с контейнером литиевого концентрата, он неудачно рванул рычаг лебёдки вбок, и в колене сухо, противно хрустнуло. С тех пор нога безошибочно предсказывала любую перегрузку раньше корабельных датчиков. Сегодня искусственная тяжесть в жилом секторе «С» ощутимо плавала и давила на плечи тяжелее обычного — изношенные гравикомпенсаторы старой рудовозной баржи явно захлёбывались, компенсируя возмущения при выходе из гиперпространственного коридора вблизи крупного газового гиганта. Ян спрыгнул на грязный рифлёный настил пола — вечно липкий от конденсата и жирной копоти, сколько его ни три ветошью, — и привычным движением нашарил на поясе свой старый, тяжёлый мультитул с облупившейся чёрной краской на титановой рукояти. Металл был тёплым от тела. Ян сжал рукоять так, что побелели костяшки пальцев, и почувствовал, как отпускает сдавливающий грудь глухой спазм.

— Затяну намертво — конденсат пойдёт по аварийному перепуску прямо в приточную вентиляцию, — спокойно, без злобы ответил он, вставая на цыпочки и подкручивая накидную гайку на стыке распределительной трубки ровно на четверть оборота. Металл поддавался туго, с сухим, визгливым скрипом. — Через трое суток весь отсек закашляется чёрной плесенью. Выбирай, парень: лужа на полу или грибок в лёгких.

Парень снизу что-то неразборчиво буркнул, отвернулся к переборке и натянул на голову серый казённый плед. Ян сунул мультитул во внутренний карман промасленной куртки, поправил ворот нательной фуфайки и тяжёлой, чуть прихрамывающей походкой пошёл по узкому, заставленному баулами проходу в сторону раздаточного пищеблока.

В пищеблоке сектора «С» в час смены было не протолкнуться: обанкротившиеся фермеры из Южной Европы с обветренными, растерянными лицами, списанные лунные горняки с потухшими глазами, молодые специалисты из технических колледжей — те, кто ещё цеплялся за глянцевые буклеты корпорации о «светлом будущем на новых рубежах». В низком помещении густо пахло пережаренным синтетическим жиром, кислой капустой, дезинфектантом и человеческим потом — потом сильнее всего, потому что три тысячи человек, запертых на восемь месяцев в герметичном стальном корпусе без нормальной бани, пахнут одинаково, и этот тяжёлый, кислый дух не вытягивают даже угольные фильтры. Ян налил себе из раздаточного крана кружку серого ячменно-соевого суррогата — пластиковая кружка была тёплой и скользкой от плохо отмытого мыла, — отступил в угол у переборки, откуда просматривался весь зал, и принялся медленно пить мелкими глотками.

Именно оттуда, из угла у переборки, он и увидел Лизу Макарову.

Худенькая, темноволосая девушка лет двадцати трёх в мешковатом сером комбинезоне агронома вцепилась в небольшой белый герметичный кейс с синим логотипом Института Биосферы побелевшими пальцами, даже не замечая, как острый пластиковый кант врезается в ладони. Напротив неё, перегородив выход в технический коридор, стоял старший интендант сектора — лоснящийся, гладко выбритый мужчина в отутюженном корпоративном кителе, слишком чистом и нарядном для этой грязной грузовой баржи. А на полшага за его спиной, привалившись широким плечом к стальному косяку, замер капрал службы безопасности корабля Марк Трент. Рука наёмника в тяжёлой тактической перчатке спокойно лежала на рукояти импульсного разрядника высокой плотности, и лежала она там вовсе не для красоты.

— Девочка, мне глубоко плевать, что там у тебя запаяно под пломбой, — лениво, с сытой издёвкой цедил интендант, постукивая стилусом по экрану грузового планшета. — По реестру каюты у тебя личный перевес на три килограмма двести граммов. Либо ты прямо сейчас пере-

водишь сорок марок колонии, которых у тебя на счету отродясь не водилось, либо этот ящик отправляется в плазменный утилизатор согласно уставу перевозки третьего класса.

— Это не личные вещи! — голос Лизы сорвался на высокий, дрожащий крик, на бледных щеках выступили резкие красные пятна, но она не отступила ни на шаг. — Это герметичные криоконтейнеры с семенами морозостойкой сои третьего поколения и мицелием белых грибов! Я везу их мимо грузового трюма, потому что в общем холодильнике нарушен температурный режим! Если мы не высадим этот семенной фонд в первый же месяц на Новой Надежде, у колонии через полгода начнётся тяжелейший белковый голод и безбелковая отёчность! Вы же сами сдохнете на одних синтезаторах!

— У колонии есть промышленные белковые синтезаторы, а у тебя есть устав, который ты подписала на Земле. — Марк Трент плавно, без резких движений шагнул вперёд, накрыв худенькую девушку своей широкой тенью. Лицо наёмника с жёсткими скулами и холодными серыми глазами не выражало ни злости, ни сочувствия, а голос звучал ровно и глухо, как работающий компрессор. — Отошла от раздаточной стойки, гражданская. Задерживаешь смену. Ещё одно слово поперек интенданта — и проведёшь остаток перелёта в карцере на водно-солевом пайке, а свой ящик увидишь только в трубе утилизатора.

Лиза на секунду замерла, глядя снизу вверх в непроницаемое лицо капрала, сжала губы так, что они побелели, и тихо, с горькой, беспомощной яростью произнесла:— Синтезаторы дают химический белок. Не еду. Вы даже не понимаете разницы.

Марк не понял. Или просто не счёл нужным вникать в то, что не входило в его служебную инструкцию по охране груза. Ян Войцеховский в углу у переборки отхлебнул остывшего суррогата и криво поморщился — он всегда морщился от этой бурды, но никогда не выливал ни капли, потому что за сорок лет работы в рудниках усвоил простую истину: в космосе и под землёй не выбрасывают ничего, что даёт хоть сотню калорий.

«Глупая девчонка, — подумал старый инженер без злобы, глядя, как Лиза, прижимая белый кейс к груди, отступает к столам, провожаемая тяжёлым взглядом наёмника. — Земля и институты остались позади, дочка. Здесь больше не правит наука — здесь правит балансовый отчёт корпорации».

Он хотел ещё что-то подумать — о том, как сам сорок лет назад точно так же верил в красивые слова инженеров-вербовщиков, о том, как его дубовый верстак на Земле покрывается пылью в запертом сарае, и о том, что за сотни лет освоения космоса в этой волчьей системе не изменилось ровным счётом ничего, — но додумать не успел.

«Агамемнон» ударило.

Это не был звук взрыва — это был чудовищный, сотрясающий весь многотысячетонный остов корабля удар невидимого исполинского молота прямо по килю. Искусственная тяжесть в секторе «С» исчезла мгновенно, без перехода: желудок рванулся вверх, к самому горлу, кружка вырвалась из онемевших пальцев Яна, и густые серые капли суррогата повисли в воздухе перед лицом дрожащими, жирными шариками. Старый мастер успел подумать с ледяной, странно спокойной ясностью: *«Вот и всё, отлетались, старый дурак»*, — прежде чем палуба с оглушительным грохотом дёрнулась вверх и триста человек в пищеблоке швырнуло под самый потолок.

Кто-то рядом вскрикнул — коротко, высоко и оборванно. Ян даже в этом хаосе падающих тел и грохочущих металлических столов вдруг поймал себя на мысли, что этот крик ему знаком: точно так же два года назад кричал молодой парень на погрузке в лунном доке, когда лопнул трос и ему отдавило ногу многотонным контейнером, и парня того потом списали по инвалидности без пенсии, и где он теперь, бедолага? Парень не послушал Яна тогда. Ян крикнул ему за пять секунд до обрыва: «Не стой под грузом, уйди за колонну!». Парень отмахнулся. Контейнер поехал. Если бы послушал — остался бы цел. Сам Ян не собирался повторять чужую глупость. Ни здесь. Ни сейчас.

Снизу, из-под палубы, донёсся долгий, душу раздирающий скрежет разрываемого титана. Так лопается перенапряжённый силовой шпангоут корпуса под запредельной скручивающей нагрузкой — сухой, визгливый скрежет многосантиметрового металла, сминаемого в гармошку. Ян слышал подобный хруст однажды в молодости, при аварии на орбитальной верфи, и с тех пор ненавидел этот звук сильнее всего на свете.

— Разгерметизация! — заорал чей-то сорванный голос в наступившей темноте. Аварийное освещение вспыхнуло ядовито-багровым светом, и лица барахтающихся в невесомости людей стали красными, как сырое мясо. — Вторая палуба сектора «Б» сдохла! Переборки! Закрывайте аварийные переборки!

Воздух с пронзительным, тонким, как комариный писк, свистом рванулся в пробитую обшивку соседнего отсека. Ян почувствовал, как мгновенно закладывает уши, как болезненно выгибает наружу барабанные перепонки, как воздух уходит из зала — быстро, жадно, со свистом затягивая в щель переборки салфетки, кружки и обрывки одежды, — и как вместе с воздухом из отсека уходит тепло. Приливные силы чудовищной гравитации разорвали магистральную линию криогенного хладагента в межпалубном пространстве, и коридор за дверью пищеблока заволокло густым, ледяным азотным туманом. Дышать стало больно, потому что обжигающий мороз царапал горло и выжигал лёгкие изнутри.

Искусственная тяжесть вернулась рывком, сбивая людей в беспорядочную, орущую кучу — палуба встала под острым углом в тридцать градусов, — и Ян, рухнув на рифлёный металл, успел вцепиться пальцами в чью-то руку, но ладонь выскользнула, липкая от пота и жира. Он покатился вниз к опрокинутым раздаточным столам, кто-то в тяжёлых ботинках наступил ему прямо на пальцы левой руки, кто-то закричал над самым ухом, и крик этот мгновенно оборвался глухим ударом головы о стальную стойку.

«Агамемнон» разваливало на части. Выйдя из гиперпространственного прыжка со сбоем навигационного расчёта слишком близко к гравитационному колодцу огромного газового гиганта системы Кеплера-452, старая, изношенная рудовозная баржа попала в смертельную приливную ловушку — скручивающие силы разрывали перегруженный корпус по старым сварным швам. Ян Войцеховский понимал механику этого излома лучше любого капитана на мостике: через пять-семь минут килевой хребет корабля переломится пополам, и весь сектор «С» вывернет в открытый космос.

«Инженер, — холодно и чётко ударила мысль в голове старого мастера, перекрывая боль в ушибленном правом боку. — Я инженер. А это значит, что все мы здесь сейчас — куча обломков. Но обломки ещё можно собрать. Если есть руки, голова и память».

— К спасательным ботам! В технический коридор! — голос Марка Трента прорезал вой сирены и панический рёв толпы, как удар стального зубила.

Наёмник встал первым. В его движениях не было ни капли слепой паники — только холодный, отточенный до автоматизма инстинкт выживания. Схватив правой рукой прижатую к раздаточной стойке Лизу Макарову за шиворот комбинезона, Марк рванул девушку на себя. Она всё ещё мёртвой хваткой прижимала к груди свой белый пластиковый кейс с семенами.

— Двигай ногами, агроном, если жить хочешь! — рявкнул капрал, прикрывая её своим широким плечом от летящего сверху металлического подноса. — Инженер! — Марк мгновенно обернулся, выхватывая взглядом сквозь багровый полумрак фигуру Яна, который с трудом поднимался с пола, прижимая левую руку к сломанному при падении ребру. Боль в груди была острой, горячей и режущей, но Ян уже стоял на ногах. — За мной, дед! Живо! Нам нужен техник на ложементе!

Ян сразу понял расчёт наёмника, и в этом расчёте не было никакой фальшивой сентиментальности: Марк Трент спасал не старого человека. Марк спасал инженера, способного запустить системы капсулы и выжить на чужой земле, и агронома с семенным фондом. Остальные

три тысячи человек в секторе «С» для службы безопасности корпорации в эту минуту превратились в списанный балласт. Это было жестоко, но по-своему честно.

Узкий коридор технического яруса, ведущий к спасательным капсулам правого борта, превратился в смертельную давку. Десятки обезумевших от ужаса людей в серых комбинезонах бились в заклиненные аварийные гермодвери — уже молча, сорвав голоса, только слышно было, как глухо, отчаянно стучат ладони и кулаки о толстую сталь, и этот мерный, безнадёжный стук в багровом дыму был страшнее любого крика.

Они пробивались вперёд через сервисный коллектор, где проход между силовыми кабелями и трубами сужался до одного метра. Марк Трент работал плечом и тяжёлыми десантными ботинками как таран, расчищая дорогу; Ян шёл следом с мультитулом наготове, на ходу откидывая механические защёлки сервисных люков. Потные пальцы скользили по ледяному металлу, сломанное ребро при каждом вдохе кололо как раскалённый гвоздь. Лиза шла между ними, согнувшись и прижимая белый кейс к животу. Один раз в клубах азотного пара её нога наступила на чью-то неподвижную, вытянутую из-под переборки руку — рука не дёрнулась, и Лиза не вскрикнула, только ещё сильнее побледнела и закусила губу до крови.

Из бокового люка наперерез им ломанулся здоровый, обезумевший от страха грузчик с безумными, налитыми кровью глазами, пытаясь отшвырнуть Лизу в сторону и первым добежать до шлюза капсулы. Марк Трент, даже не замедляя шага, коротко и страшно всадил тяжёлую рукоять импульсного разрядника беглецу прямо в лицо. Сухо хрустнула челюсть; грузчик молча рухнул на настил, освобождая узкий проход, а капрал уже тащил девушку дальше к круглому люку капсулы «Дельта-3».

— Панель управления заклинило, дед! Срезай стопоры привода! — рявкнул Марк, намертво перекрывая своей широкой спиной узкий вход в шлюзовой тамбур и сдерживая натиск напирающей из коридора толпы.

Ян упал на колени перед вскрытым аварийным щитком шлюза. Пальцы, покрытые чёрными трещинами сажи и запекшейся кровью из сбитых костяшек, лихорадочно вогнали стальное жало мультитула в сервисный паз распределителя. Металл скользил от пота, в глазах темнело от нехватки кислорода и боли в груди, но сорокалетняя инженерная память вела инструмент без малейшей дрожи. Схема аварийного замка была примитивной: нужно было замкнуть цепь пиропатрона отстрела стопоров вручную до того, как приливная волна окончательно переломит корпус «Агамемнона» пополам.

Оголённый медный контакт выкинул яростный, трескучий пучок синих озоновых искр.

Тяжёлая круглая створка спасательной капсулы «Дельта-3» неохотно, с визгливым скрежетом титана пошла в сторону. Марк поршневым ударом ноги отшвырнул рванувшегося к люку человека, впихнул Лизу с её кейсом внутрь отсека, влетел следом и рывком втянул за собой Яна, схватив старика за ворот промасленной куртки. Гермодверь капсулы захлопнулась с глухим, сытым гидравлическим стуком, намертво отсекая крики и стук кулаков гибнущего коридора палубы «С». Полная, звенящая тишина герметичного пространства обрушилась на них вместе с диким, сотрясающим переборки рёвом стартовых ускорителей. Спасательную капсулу сорвало с ложемента, швырнув трёх человек на амортизированные кресла. «Дельта-3» уходила в багровую бездну системы Кеплера-452.

Рывок твердотопливных ускорителей вдавил их в жёсткие ложементы с такой чудовищной силой, что у Яна перед глазами поплыли серые, маслянистые круги. Внутри тесной, рассчитанной на шестерых капсулы пахло сухой пластмассой, дешёвой синтетической обшивкой и нагретой медью. Аварийные диоды «Дельты-3» горели тусклым, ровным зелёным светом — автономная электроника бота работала исправно.

— Живая? — Марк Трент первым сорвал с лица защитные очки, тяжело и прерывисто дыша. На его скуле багровел свежий порез от осколка пластика, но голос оставался монотонным и ледяным.

Лиза Макарова не ответила. Она сидела в соседнем кресле, скорчившись и обняв свой белый герметичный кейс обеими руками. Её колени мелко дрожали, а бледные губы шевелились без звука. Девушка не отрываясь смотрела в круглый иллюминатор правого борта.

Ян Войцеховский с трудом повернул голову, преодолевая остаточную перегрузку. За толстым слоем бронированного кварцевого стекла разворачивалась страшная, завораживающая картина космической гибели. Огромная рудовозная баржа «Агамемнон» теперь напоминала разорванную пополам, искорёженную жестяную банку. Приливные силы исполинского газового гиганта буквально потрошили корабль. Из развороченного брюха жилого сектора «С» в чёрную пустоту вакуума нескончаемым потоком вылетали обломки переборок, грузовые контейнеры, вещи и крошечные, беспомощные фигуры людей в серых комбинезонах. Они медленно вращались в пустоте, как мелкие соринки, мгновенно замерзая и превращаясь в ледяные кристаллы под холодным багровым светом далёкого красного карлика.

— Отлетались, — тихо, безжизненным голосом произнёс Ян, сплевывая розовую от крови слюну на рифлёный пол капсулы. — Третий класс списан в окончательный убыток. Балансовый отчёт корпорации закрыт.

— Заткнись, дед, — Марк Трент до хруста в суставах затянул привязные ремни ложемента, вглядываясь в панель управления. — Смотри на приборы навигации. Нам плевать на их баланс. Куда нас тащит этот автомат?

Ян перевёл взгляд на маленький монохромный монитор пульта «Дельты-3». Зелёные строчки навигационного лога мерцали, выдавая расчёт баллистической траектории падения. Гравитационный сдвиг у газового гиганта швырнул капсулу вовсе не в сторону далёкой Новой Надежды, которая осталась за сотни миллионов километров, абсолютно недосягаемая без межпланетных маршевых двигателей. Их неумолимо затягивало в глубокий гравитационный колодец ближайшей внутренней суперземли системы.

На экране пульсировали параметры цели: *«Объект: Кеплер-452b. Статус: законсервированный промышленный полигон корпорации Гео-Тех. Железное ядро. Атмосфера: плотная (азот, углекислый газ, сернистый ангидрид — непригодна для дыхания). Ускорение свободного падения на поверхности: 1.5 g. Внимание: автоматический вход в атмосферу по баллистической траектории активирован»*.

— Кеплер-452b... — прошептал Ян, и его серое от боли лицо перекосилось от жёсткой, горькой ухмылки. — Мы падаем на мёртвый рудник, капрал. Под полуторную тяжесть.

— Что это за дыра? — Марк Трент провёл ладонью по лицу, стирая капли холодного пота. — В рекламных буклетах «Гео-Теха» этой планеты не было в списках заселения. Наш маршрут шёл прямо на Новую Надежду.

— Конечно не было, — Ян Войцеховский закрыл глаза, пытаясь унять режущую боль в сломанном ребре. — Корпорация «Гео-Тех» свернула работы на Кеплере-452b ровно восемьдесят лет назад, капрал. Перед началом здешнего долгого ледникового цикла — Апоастра — руководство полигона эвакуировалось, бросив глубокие базальтовые шахты и реакторные комплексы в вечной мерзлоте. Признали полигон официально убыточным. Но людей они тогда забрали не всех. Или просто не захотели тратить топливо и марки на обратные рейсы для простых рабочих. Бросили там внизу шестьсот горняков четвёртой волны и персонал нижних ярусов.

— И что с ними стало за восемьдесят лет? — Лиза Макарова впервые подняла голову от иллюминатора, её голос прозвучал тихо и надтреснуто.

— Кто остался наверху или в замороженных блоках — те погибли в первый же месяц, — безжалостно, без тени утешения ответил Ян. — Но в недрах этой горы есть глубокие геотермальные пещеры и тёплые подземные озёра. Если кто-то из потомков тех шахтёров и выжил в полной темноте за эти восемьдесят лет, они давно живут по своим законам подземелья, берегут каждую каплю пресной воды и каждый кусок металла и вряд ли обрадуются незваным

гостям сверху. Мы летим к ним в гости, девочка. В условиях чугунных полутора g, где каждый шаг весит как полтора земных, а снаружи без дыхательного фильтра не сделать и двух вдохов. Твоя морозостойкая соя-три им очень пригодится, агроном. Если, конечно, мы не разобьёмся о ледяные базальтовые утесы на этой баллистической траектории.

Спасательная капсула «Дельта-3» оглушительно содрогнулась. Внешняя титановая обшивка бота закричала — тонкий, нарастающий, вибрирующий визг металла известил о том, что бот вошёл в верхние, плотные слои атмосферы Кеплера-452b. За круглым иллюминатором чёрная пустота космоса мгновенно сменилась ядовитым, багрово-жёлтым маревом раскалённой плазмы. Навигационный пульт выбросил первые тормозные парашюты. Рывок был такой чудовищной силы, что жёсткие ремни безопасности со звоном врезались в сломанное ребро Яна, выбивая из груди стон. Тяжёлые, неумолимые полтора g планетарного веса поползли по телу, свинцовым наливом прижимая людей к креслам и вышибая из лёгких остатки тёплого земного воздуха. Связи с внешним миром больше не было. Началось падение.

Глава 2

Тишина после падения была хуже рёва плазмы.

Она давила на барабанные перепонки — тяжёлая, глухая, звенящая, — и в этой ватной тишине Ян Войцеховский слышал, как над головой из треснувшей трубки контура охлаждения мерно капает жидкость. Кап. Кап. Кап. Ровно каждые четыре секунды. Старый мастер лежал на искорёженном рифлёном полу аварийного челнока «Дельта-3» в луже холодного антифриза и машинально считал: раз, два, три, четыре. Привычка со сгоревшего на орбите «Агамемнона», где конденсат капал из-под переборки с тем же неумолимым ритмом и где он считал капли в темноте, чтобы не думать о том, что уже не исправить.

Он с трудом разлепил отяжелевшие веки.

Весь мир внутри разбитого бота стоял на боку. Правая половина лица лежала на холодном рифлёном настиле, залитом липкой желтоватой жидкостью — вытекшим из разорванного радиатора гликолевым антифризом. Жидкость пахла сладко, резко и тошнотворно, как перебродившие гнилые фрукты, и уже начинала подсыхать на ледяном сквозняке, стягивая обожжённую кожу на щеке. Ян лежал в этой луже и первые десять секунд не мог пошевелить ни рукой, ни ногой. Грудную клетку слева при каждом судорожном вздохе пронзала такая острая, режущая боль, что перед глазами плыли серые маслянистые круги. *«Два ребра, минимум, — подумал он отрешённо. — Хорошо, если обломок не пробил лёгкое».*

Он попробовал вдохнуть чуть глубже — и боль вспыхнула заново, горячая, ослепительно-белая. Старик замер, сжал челюсти до хруста, переждал волну, а затем вдохнул коротко, мелко, одними верхушками лёгких, как учили когда-то в учебке горноспасателей. Во рту стоял противный, металлический привкус крови и сладковатого антифриза. Старый инженер криво усмехнулся про себя, подумав, что умрёт, наверное, не от сломанных рёбер и не от жёсткой посадки, а от этой дешёвой корпоративной дряни, которой уже успел наглотаться при ударе.

Когда-то, на Земле, у него была своя мастерская — маленькая, сухая, в кирпичной пристройке с густым, родным запахом машинного масла, горячей стальной стружки и канифоли, — и жена Марта, которая вечно ворчала, что он пропах этой мастерской насквозь и никогда уже не отмоется. Марта осталась на Земле, за сотни световых лет отсюда. Мастерская тоже осталась там, запертая на тяжёлый висячий замок. Иногда в долгие перелётные ночи Ян ловил себя на подлой мысли, что жалеет о тяжёлом дубовом верстаке и ровном гудении токарного станка больше, чем о женщине — и от этой мысли становилось стыдно и муторно, и он гнал её прочь, но в тишине она всё равно возвращалась.

Над ним, держась обеими руками за разбитую, искрящуюся остаточным напряжением приборную панель, тяжело хрипел Марк Трент. По жёсткому лицу бывшего десантника, смешиваясь с чёрной копотью, текла густая тёмная кровь — во время удара о скальный гребень капрал рассёк лоб о стальной край пульта. Кровь заливала левую бровь, стекала по скуле, капала с небритого подбородка на перекошенный пол, и Марк раздражённо вытирал её тыльной стороной ладони, размазывая по коже, как бурую краску. Но наёмник уже стоял на ногах. Ян смотрел на него снизу вверх и думал с угрюмым, невольным уважением: *«Вот так выглядит человек, который никогда не теряет сознания. Никогда. Даже когда по всем законам физиологии обязан лежать трупом».*

— Живой, дед? — Марк сплюнул сгусток крови на пол. Голос его звучал глухо и хрипло, словно сквозь толстый слой ваты.

— Дышу, — выдавил Ян, цепляясь здоровой правой рукой за скобу переборки. Покрытые ссадинами пальцы скользили по металлу, залитому той же желтоватой слизью.

— Что с девчонкой?

Лиза лежала в глубине десантного отсека, намертво зажатая между сорванным с креплений перевёрнутым креслом и наклонённой стеной. Её белый герметичный пластиковый кейс с маркировкой Института Биосферы был прижат к животу обеими руками так крепко, что костяшки пальцев побелели от напряжения. Двадцатитрёхлетняя девушка была без сознания, но грудь её поднималась — часто, прерывисто и мелко. На бледном лбу под тёмной прядью волос набухала багровая ссадина, и в ней уже запеклась мелкая острая кварцевая пыль, наметенная сквозь треснувший иллюминатор.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.